

К 65-ЛЕТИЮ СО РАН

DOI: 10.15372/HSS20220311
УДК 94:394(47+571.14)“1957/1991”

Г.М. ЗАПОРОЖЧЕНКО

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НОВОСИБИРСКОГО АКАДЕМГОРОДКА В ЭГО-ДОКУМЕНТАХ «СИБИРСКИХ АКАДЕМИН» (1958 – КОНЕЦ 1960-х гг.)

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Повседневная жизнь Академгородка Новосибирского научного центра СО РАН рассмотрена на основе писем и воспоминаний первых «сибирских академин» – П.Я. Кочиной, Т.И. Заславской, Н.А. Притвиц, Р.Л. Берг, О.Н. Марчук. Впервые в научный оборот введены мемуары М.И. Черемисиной. Социальная, бытовая и природная среда нового научного центра оценивалась женщинами-учеными в высшей степени позитивно, вплоть до утверждений о том, что Академгородок – лучшее место для жизни. Замысел создания конкурентных преимуществ нового города науки по рецепту использования «матричных» рычагов советской командно-распределительной системы для первого десятилетия оказался успешным.

Ключевые слова: гендерная история, социальная память, повседневность, быт, Р.Л. Берг, Т.И. Заславская, О.Н. Марчук, Н.А. Притвиц, М.И. Черемисина, Академгородок, Новосибирский научный центр, Сибирское отделение Российской академии наук.

G.M. ZAPOROZHCHENKO

EVERYDAY LIFE OF NOVOSIBIRSK AKADEMGORODOK IN THE EGO-DOCUMENTS OF THE «SIBERIAN ACADEMINES» (1958 – LATE 1960s)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The everyday context of Akademgorodok, Novosibirsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, is considered based on memoirs the first Siberian female academics – P.Y. Kochina, T.I. Zaslavskaya, N.I. Pritvits, R.L. Berg, O.N. Marchuk. The memoirs by M.I. Cheremisina are for the first time introduced into scientific circulation. The everyday life of Akademgorodok is studied from the point of view of women's social memory using the methodologies of gender history, history of everyday life, history of memory.

Important factors in rooting women scholars in the scientific town were prospects in research career, obtaining apartments preserving the capital's residence, special food supply, freedom and democracy in communication and cultural life. The concentration of intellectuals in Akademgorodok, their daily close communication at work and leisure caused that, firstly, the habitual understanding of the service role of women was already «challenged» by the idea of equal status with men, and secondly, in the rather narrow and isolated space of human contacts of the town, the «load» on marital ties increased.

At the background of the food and housing crisis in the country, the everyday life of Akademgorodok is assessed by female scientists in a highly positive way, up to the claims that this is the best place to live in. The idea of creating competitive advantages of the new city of science according to the recipe of using the «matrix» levers of the Soviet command and distribution system for the first decade turned out to be successful.

Key words: gender history, social memory, everyday life, R.L. Berg, T.I. Zaslavskaya, O.N. Marchuk, N.A. Pritvits, M.I. Cheremisina, Akademgorodok, Novosibirsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Science.

Галина Михайловна Запорожченко – д-р ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: galinakoop@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1237-0792>.

Galina M. Zaporozhchenko – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

В мае 1957 г. было образовано крупнейшее региональное отделение Российской академии наук – Сибирское. Построенный к 1963 г. новосибирский Академгородок стал локусом Новосибирского научного центра (ННЦ). До этого к востоку от Урала, где создавалось около 10 % промышленной продукции страны, находилось едва ли 1–2 % научного потенциала, докторов и кандидатов наук [Лаврентьев, 1982, с. 11]. С конца 1950-х гг. когорта блестящих отечественных ученых из Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Тбилиси продвигала великий сибирский научно-организационный эксперимент XX в. и его новационные принципы в сфере развития фундаментальных исследований. Присутствие ярких имен женщин-ученых в кадровом составе ННЦ и социокультурном пространстве Академгородка актуализирует изучение женского опыта инкорпорации в сферу науки в прорывных точках ее роста.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Научно-организационные аспекты «восточного вектора» академической науки и общая концепция истории ННЦ СО РАН нашли целостное отражение в трудах Е.Т. Артемова, Е.Г. Водичева, Н.А. Куперштох, И.С. Кузнецова, П. Джозефсона, М. Поповского и других, а также в коллективных обобщающих изданиях. Общественную жизнь и социально-бытовую среду исследовали И.С. Кузнецов, М.В. Шиловский, А.Г. Борзенков, А.И. Бурштейн, Н.Н. Савенко, Н.Н. Покровский-мл. Апологетическая тенденция акцентирования успешности проекта дополнялась критическими указаниями на неоднозначность опыта создания ННЦ, утрату к концу 1960-х гг. позитивных факторов и результатов развития научного центра, которые доминировали в начальный период его истории, поверхностный характер академгородковского «демократизма» в научной и социально-бытовой сферах. Отмечена необходимость Академгородка как уникального для страны и мира феномена из предметного поля истории СО АН СССР/РАН, во-вторых, углубления исследования социально-бытовой сферы Академгородка и его повседневной жизни.

Проблема профессионально-адаптационных практик женщин-ученых в СО РАН была поставлена нами ранее совместно с О.Н. Шелегиной в научно-исследовательском проекте «Сибирские академики», нацеленном на формирование представлений об «академине» как о цельном образе женщины с ведущей интеллектуальной составляющей [Запорожченко, Шелегина, 2019]. Интерес к теме был поддержан публикациями Е.А. Ерохиной [2021], О.А. Савеловой и И.А. Крайневой [2021] о Т.И. Заславской,

М.И. Черемисиной, Н.А. Притвиц. А.О. Степанов обосновал исследовательский интерес к женщинам-ученым Томского университета «волей к социальному сопротивлению, которой подчас выделялись изучаемые персоналии» [2019]. К. Варга-Харрис рассмотрела советский опыт демонстрации на мировой арене в хрущевский период достижений модернизации в области гендерного равенства [2019]. Н.Л. Пушкарева и А.В. Жидченко обобщили оценки англо-американскими коллегами женской городской повседневности в годы «хрущевской оттепели» [2021].

Тема женской обыденности в Академгородке ННЦ впервые попала в фокус внимания Н.Л. Пушкаревой и заслуживает дальнейшего изучения в связи с наличием корпуса эго-документов, принадлежащих женщинам и содержащих повседневную рефлексию и переживания, относящиеся к бытовым практикам. Как полагает Н.Л. Пушкарева, «эвристически ценно обратиться к *женской социальной памяти* об истории создания того уникального локуса междисциплинарного общения, каким был Академгородок» [Пушкарева, 2020, с. 118].

Настоящая статья посвящена выявлению особенностей включения женщин в институциональное поле науки в социально-бытовом отношении. Объект исследования – социокультурная среда, мир повседневности новосибирского Академгородка, предмет – отражение повседневных бытовых практик в письмах и мемуарах женщин-ученых. Хронологические рамки охватывают первое десятилетие истории Академгородка до того, как в результате событий 1967–1968 гг. был положен конец «острову культурной свободы», почти прекратился приток в Академгородок талантливых ученых, и начался их отток в другие научные центры Сибирского отделения и столичные институты [Ханин, 2019, с. 224]. Научная новизна работы определяется введением в научный оборот новых источников, решением на конкретно-историческом материале вопросов о гендерных особенностях функционирования института науки, актуальных для детализации истории Академгородка ННЦ.

МЕТОДОЛОГИЯ

Избранная тема изучается нами с опорой на методологию исследования проблем, актуальных со второй половины XX в., когда произошел культурный поворот к гендерной истории, истории повседневности, истории памяти, знаменовавших сдвиг от позитивистской эпистемологии в сторону постижения смысла. В XXI в. для историков особое значение приобрел личный опыт, дающий возможность слышать другую, по сравнению с официальными метанарративами, историю.

Гендерные исследования, в формулировке Н.Л. Пушкаревой, – это междисциплинарное направление современного социального знания, изучающее «бескрайнее поле» взаимовлияний фактора пола и социальных процессов. Гендерная проблематика «встроена» в изучение социального прошлого в целом, выяснение роли женщин в процессах модернизации, профессиональной дифференциации, в том числе участия в производстве научных знаний, что нашло отражение в работах Л.Н. Пушкаревой, Е.З. Мирской, Е.А. Мартыновой, Н.С. Агамовой, А.Г. Аллавердяна, О.В. Метель, И.Ф. Богдановой, Е.К. Ведерниковой и др. Женская история эпохи «оттепели» детерминировалась этакратическим характером советского гендерного порядка, патримониальным контрактом «работающая мать». Государство проводило пронатальную социальную политику, сопрягая «правильную женственность» с материнством. Работающие женщины, составлявшие к 1970-м гг. половину всех трудящихся, несли тройную нагрузку (мать, хозяйка, работница) [Бобровская, 2020, с. 138].

Реализация женщины в науке была результатом взаимодействий локальных условий повседневной жизни, постоянно меняющихся институциональных правил, включая вариативность гендерных идеологий конкретного общества [Секенова, 2021, с. 112]. Вхождение женщин в науку ознаменовалось появлением терминов «женская обслуживающая наука», «стеклянный потолок», «эффект Матильды» (работа женщин на вторых ролях, обслуживание интересов мужчин-начальников, «прозрачные»), но основательные барьеры, препятствующие продвижению по служебной иерархии). Не обладая субъектностью в профессиональной жизни, женщины не создавали науку, а как бы «вовлекались» в нее [Пушкарева, 2011, с. 99]. Конкретизация данных выводов актуализирует тему повседневности.

История повседневности, базирующаяся на фундаментальных трудах основателей изучения микроистории, социологии, психологии повседневности – Ф. Броделя, М. Блока, М. де Серто, А. Шюца, А. Людке, Н. Элиаса, А.Я. Гуревича, Ю.М. Лотмана и других, понимается как история «снизу», в человеческом измерении, в рамках которой любые источники осмысляются в антропологической перспективе [Туркина, 2020, с. 107]. Как исследовательский конструкт (по Н. Элиасу) термин предполагает изучение сферы будничных событий, рутины, быта, частной жизни, естественного, спонтанного переживания и мышления, обыденного сознания, представляющих собой совокупность повседневного бытия данной социальной общности [Кромм, 2003, с. 10]. Принципиальное отличие изучения повседневности от этнографических исследований быта состоит в стремлении

показать обыденную жизнь в контексте событийной истории.

В изучении советской повседневности консенсусным статусом обладают положения о том, что в этакратической политической системе гражданами вырабатывались и реализовывались адаптивные стратегии подчинения государству, которое скупилось на ассигнования в сферу социальной защиты, здравоохранения, бытовых услуг, рынка товаров [Эго-документы, 2021, с. 84]. В повседневной культуре советского общества «недопотребления» преобладала ориентация на борьбу за выживание, бытовая неприязнительность, скромность, бережливость [Человек советский..., 2021, с. 334–335]. На эпоху Хрущева пришелся пик антимещанской пропаганды и критика вещицзма. Вместе с тем, 1960-е гг. стали началом реабилитации повседневности, личной жизни и приватной сферы: быт появляется в литературе и кино, открыто звучат мотивы заботы о здоровье, спорте, отдыхе, покупке предметов обихода. Этому способствовало активное жилищное строительство и появление отдельной квартиры как массового типа жилья [Орлов, 2010, с. 60].

В советской повседневности формировался человек, с одной стороны пребывающий в согласии с традиционным холистским миропониманием, с другой – становящийся атомизированной индивидуальностью [Туркина, 2020, с. 108–109]. При анализе этого феномена различают тип «простого советского человека» и представителя культурной элиты в зависимости от социокультурных ценностных оснований. Ведущими признаками интересующего нас «человека элиты» являются (по Ортега-и-Гассету) компетентность, высокий профессиональный и культурный потенциал, ценности творчества, образования, саморазвития, служения общенациональным и общечеловеческим задачам [Человек советский..., 2021, с. 334–335].

Гендерная история и история повседневности дали историкам иной ракурс понимания прошлого благодаря новой парадигме исторической науки – «истории памяти», обоснованной в трудах Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, П. Нора, Ж. Бодрийера, П. Бурдьё, Я. Ассмана, Ю. Лотмана, Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, М.М. Бахтина, Л.П. Репиной и др. Исследовательскую базу мемориально-исторических исследований, которые (по Л.П. Репиной) позволяют предметно раскрыть диалектику формирования и деконструкции образов прошлого в индивидуальной памяти [Репина, 2021, с. 9,12], составляют эго-документы – источники личного происхождения: письма, дневники, воспоминания, документы пограничных жанров, представляющие (согласно Ю.Л. Троицкому) «тип текста, в котором доминирует авторская (субъ-

ектная) составляющая линия» [История в эго-документах..., 2014, с. 14]. В.В. Нуркова обосновала, что презентация социально-исторического прошлого в индивидуальных воспоминаниях носителями исторической памяти «осуществляется с позиций Участника, Очевидца, Современника, Наследника события», отличающихся соотношением составляющих опыта прошлого (чувственной ткани образа, значения и смысла) [2009].

Взгляд изнутри на формирование научного сообщества на основе методологии вышеописанных научных направлений дополнен логикой системно-функционального подхода к рассмотрению макро-социальной политики государства, позволившей привести в новый научный центр инновационное содержание, которое коррелировало с глобальными трендами научно-технического развития, что в конечном итоге вывело Сибирское отделение АН СССР на лидирующие позиции в стране [Водичев, 2021, с. 142].

ИСТОЧНИКИ

Для настоящей статьи источниками послужили письма и воспоминания первых сибирских «академин» – женщин-ученых, стоявших у основания Сибирского отделения и внесших значительный вклад в его историю – П.Я. Кочиной (1974 г.), Т.И. Заславской (2007 г.), Н.А. Притвиц (2007 г.), Р.Л. Берг (2003 г.). Ценные сведения приводит осведомленная мемуаристка О.Н. Марчук (1997 г.). Впервые в научный оборот введены мемуары М.И. Черемисиной (2020 г.). Свойственные «сибирским академикам» дневниковая культура, интенсивное эпистолярное общение¹, мемуарное творчество, «основанные на методическом самоконтроле, требовании ясности, самоотчета о своем положении и действиях», оцениваются в истории как примета «формирования современного человека – активного, ответственного, рефлексивного, практически ориентированного, включенного в многообразные социальные отношения» [Гудков, 2021, с. 29]. Эго-документам сибирских «академин» присуще сочетание рациональной и эмоциональной рефлексивности в описании субъективного повседневного опыта с манифестацией личностно окрашенных инновационных научных наблюдений и воззрений, намечавших как перспективы научного поиска, так и подведение итогов развития науки [История в эго-документах..., 2014, с. 51].

ПЕРЕЕЗД ЖЕНЩИН-УЧЕНЫХ В СИБИРЬ

В начале 1960-х гг. научные столицы оказались «в тылу», а «фронт» академической науки пере-

двинулся за Урал. Когда Н.С. Хрущев спросил М.А. Лаврентьева: «И кто же туда поедет? Это же Сибирь-матушка, пока еще она – пугало», академик ответил: «Есть такие люди» и показал длинный список². М.А. Лаврентьев вспоминал, что внешний вид построенных в быстром темпе по типовым проектам зданий нового научного городка не особенно его волновал: «Мы делали ставку не на уникальные здания, а на уникальных людей» [1982, с. 23]. В Сибирь поехали лидеры, олицетворявшие лучшие традиции мирового научного сообщества, в том числе женщины. Лично от М.А. Лаврентьева получила приглашение на работу в ННЦ 60-летняя П.Я. Кочина, целенаправленно проведенная в 1958 г. в члены Большой академии, где до этого были только две женщины – Л.С. Штерн и А.М. Панкратова [Кочина, 1974, с. 163]. П.Я. Кочина участвовала в первых выездах членов СО АН в Новосибирск с 1958 г., когда научного городка еще не было, а ученых размещали на дачах в пригороде Мочищи, заседания проходили в зале Института горного дела [Там же, с. 165]. В 1959 г. в Академгородок приехала 28-летняя Н.А. Притвиц, в 1963 г. по приглашению А. Агамбеяна – 36-летняя Т.И. Заславская с семьей, 50-летняя Р.Л. Берг с двумя детьми, приглашенная Д.К. Беляевым, в 1965 г. и М.И. Черемисина (41 год) с тремя детьми.

В идее создания Сибирского отделения слились воедино два популярных тезиса: о «покорении науки» и «покорении Сибири». Приехавшие в Сибирь женщины-ученые принадлежали к «мобилизационному поколению» – так характеризуются рожденные до 1938 г., период взросления которых с 17 до 25 лет («впечатлительные годы») пришелся на 1941–1956 гг. «В контексте общей истории страны и истории российской науки, – отмечала Н.Л. Пушкарева, – не удивительно, что в годы политической “оттепели”, когда началось создание новых научных центров на Востоке страны и в Сибири, женщины отправились за тысячи километров от столиц “поднимать науку” за Уралом. Этот отъезд женщин-ученых совпал со второй волной феминизации российской науки, которая крепла на фоне организованного расширения советской науки» [2011, с. 98].

В Сибири в силу сложившейся здесь структуры институтов доля женщин-ученых по сравнению с другими научными центрами была относительно небольшой. Если в СССР доля женщин в науке с 1960 до 1970 г. увеличилась с 42 до 47 % [Пушкарева, 2010, с. 24], то в Сибирском отделении, по данным Н.А. Куперштох, к 1988 г. удельный вес женщин в общей численности научных кадров институтов состав-

¹ Объем писем достигал 20 машинописных страниц.

² Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть. Воспоминания: в 4 кн. М.: Московские новости, 1999. Кн. 1. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/elibrary/2000vek/196-199.ssi> (дата обращения: 02.05.2022).

лял 30 % (от 15 % в физико-математических до 47 % в общественных) [1995, с. 97], а в 1960-е гг., следовательно, был еще меньше.

Чтобы решиться бросить Москву ради Сибири, как отмечал М.А. Лаврентьев, «требовалась определенная психологическая ломка» [1982, с. 24]. Приехавших сюда, безусловно, роняли такие социоперсональные черты, как храбрость и готовность к преодолению трудностей. М.И. Черемисина писала: «У меня был врожденный недостаток – я не умела бояться... Мне недодано чувство страха» [2020, с. 415, 309]. Энтузиазм и бесстрашие Р.Л. Берг и Н.А. Притвиц также хорошо известны. Овдовевшая П.Я. Кочина раздумывала, стоит ли расставаться с дочерьми и внуками ради избрания в академики и проживания одной в Сибири. Дочь даже спрятала документы, но подруга сказала: «Так вы что же, всю жизнь собираетесь быть бабушкой? Поезжайте в Сибирь!» [1974, с. 164]. Так Пелагея Яковлевна обеспечила себе большой сибирский период плодотворной жизни из прожитых 100 лет. Лишь у О.Н. Марчук не было выбора, она приехала вместе с мужем, но тоже была «не робкого десятка» – именно ей М.А. Лаврентьев доверил однажды свой портфель, в котором оказались детонаторы для взрыва [Марчук, 1997, с. 65]. Т.И. Заславскую как «локомотива» семейной миграции, кроме собственно переезда (контейнеры с вещами, временное жилье, ремонт и прочие хлопоты), тревожили «мучительные сомнения супруга – сумеет ли он добиться для себя положения и имени, какие имел до этого»³.

Участницы первого призыва ученых, метко названного «научным десантом», происходили из культурной среды и в Академгородке влились в научную элиту⁴. Так, сестры Карповы – Майя Черемисина и Татьяна Заславская – вынесли из киевского детства в семье деда, профессора физики Г.Г. Де-Метца, «систему моральных ценностей, а также внутренней интеллигентности» [Заславская, 2007, с. 68]. А в Сибири столичных жительниц Москвы и Ленинграда ждали, по выражению одного быстро уехавшего товарища, «дыра, грязь, изотопы в воздухе, ужасный климат, чудовищные условия, бездорожье, бескультурье» [Притвиц, 2007, с. 29]. Многие жены приглашенных Лаврентьевым сотрудников с опаской смотрели на переселение. Несмотря на то, что П.Я. Кочина их убеждала в том, что жизнь в Новосибирске с его большим аэропортом, театрами, картинной галереей, консерваторией, филармонией, книжными магазина-

ми и т.п. у них будет интересная, не все приехавшие женщины смогли найти себе на новом месте подходящие занятия, но для большинства эти предсказания сбылись [1974, с. 164].

Город-спутник, новосибирский Академгородок, был спланирован как единый комплекс научных институтов, университета, жилых домов и социально-бытовой инфраструктуры, представленной гостиницей, Домом ученых, клубом, кинотеатрами, торговым центром, школами, стадионами, водной станцией, имелись велосипедные дорожки, фасады зданий радиовали цветovým разнообразием, огромные витрины и окна были удачной находкой проектировщиков. «Это было благоустроенное поселение примерно на 35 тысяч жителей, прекрасное место для работы и жизни» [Лаврентьев, 1982, с. 32]. Уникальная атмосфера демократичности, свободомыслия и творческого поиска в раннем Академгородке способствовала колоссальной концентрации ученых высшей квалификации. В конце 1960-х гг. под влиянием ряда обстоятельств, вызванных как общими изменениями в стране (эволюцией относительно либеральной хрущевской «оттепели» к неоконсервативному брежневскому режиму, утратой Сибирским отделением приоритетной государственной поддержки после отстранения от власти Н.С. Хрущева), так и специфическими процессами, протекавшими в самом Академгородке (реакцией власти на «письмо 46» и бардовский фестиваль 1968 г.), из общественной жизни исчезла атмосфера свободы, открытости и взаимного доверия. Тем не менее первое десятилетие было временем больших достижений [Кузнецов, 2019, с. 190].

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

П.Я. Кочина, Н.А. Притвиц, О.Н. Марчук с ностальгией описывают в воспоминаниях период аборигенной жизни 1958–1959 гг., полный барачного неустройства и веселого соседства «золотодолинцев», когда бытовые трудности с лихвой компенсировались радостью совместного времяпрепровождения в атмосферообразующем домике Лаврентьевых. Вскоре П.Я. Кочина переселилась в благоустроенную квартиру в кирпичных домах первой очереди, Н.А. Притвиц же уступила свое право семейным с детьми: «А жертва была немалая. Зимой барак было очень трудно натопить». Придя после работы, Наташа часто ложилась спать в холодных стенах, а утром бежала 3 км на лыжах в институт, чтобы согреться, гордо отказываясь подсесть в газик нагонявшего ее Лаврентьева [Кочина, 1974, с. 170].

Во времена Хрущева строительство и распределение жилья олицетворяло политику «заботы о человеке». «Переезд в комфортное, достойное, а главное, эгалитарное жилье позволял “потрогать руками” самое главное обещание нового общества –

³ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 22.06.1963. Л. 1–2. Здесь и далее ссылки на письма даны по: Открытый архив СО РАН. Фонд Т.И. Заславской–М.И. Черемисиной. <http://odasib.ru/openarchive/Default.cshtml> (дата обращения: 02.05.2022).

⁴ Лишь П.Я. Кочина – из семьи крестьян Атраханской губ., но отец работал счетоводом в Астрахани и дал детям хорошее образование.

коммунистическую утопию» [Варга-Харрис, 2011, с. 160–161]. В первое десятилетие, пока в Академгородке не начала ощущаться жилищная «теснота», получение квартиры являлось реальным стимулом для переезда сюда ученых.

«Абел Аганбегян был красив, умен, обаятелен», – писала М.И. Черемисина о том, как быстро он «сманил» Таню Заславскую на переезд в Новосибирск. Сманить ее было не так трудно: детей у нее было уже двое, ... а жить им по сути было негде. Дети спали в два этажа в четырехметровке... И перспектив никаких. А в Академгородке ей сулили без промедлений трехкомнатную квартиру и гарантировали сохранение московского жилья и права прописки» [Черемисина, 2020, с. 402].

Для самой М.И. Черемисиной вопрос о переезде решился, когда осенью 1965 г. закончился ее 13-летний брак с П.Г. Черемисиным. Она переживала острый душевный кризис не только из-за развода, но и отсутствия условий для творческой реализации [Черемисина, 2020, с. 397, 406–407]. Еще в 1963 г. Татьяна Заславская, «счастливая, обновленная и окрыленная той жизнью, в которую она окунулась в Академгородке» [Там же, с. 411], позвала сестру «посмотреть на это чудо – Академгородок»⁵. М.И. Черемисина увидела «юный Академгородок, утопающий в белом пушистом снегу, в ярком солнечном блеске», завтракала с сестрой в кафе «Улыбка», где «было чисто, уютно, вкусно и как-то по-молодому весело». Не удивительно, что она сразу оценила потенциал этого места для жизни и реализации своих исследовательских планов: «Я страстно всей душой захотела сюда» [Там же, с. 403].

В Академгородке приехавшие женщины как перспективные ученые получили хорошие квартиры. Новосел Т.И. Заславская писала: «Все, что относится к быту, здесь у нас находится на высшем уровне»⁶. Имелась в виду просторная квартира: «у каждого своя комната, поэтому не чувствовалось то тягостное давление друг на друга, которое ощущалось в Москве», есть холодильник, стиральная машина, «рядом – лес, под боком – море». Правда, скоро она поняла, как ей повезло с жильем, так как полнометражной квартиры уже не могли найти для заместителя директора института⁷.

М.И. Черемисина любила свою квартиру на первом этаже по ул. Академическая – «ближе к земле»: выходя из дома, она сразу «оказывалась в лесу, ощущала красоту мира, природы, слышала, как пахнут нагретые солнцем сосны, кукует кукушка, стучит дя-

тел...» [Черемисина, 2020, с. 388]. Телевизора поначалу не было, дети бегали смотреть «заславский телевизор»⁸. Р.Л. Берг жила в трехкомнатной квартире на Морском проспекте [2003, с. 238]. Семья О.Н. Марчук поселилась в коттедже. Важно отметить, что «квартирный» стимул при переезде в Сибирь для женщин, «хранительниц очага», был значимым лишь при возможности сохранения прописки и жилья в оставленных ими ради Сибири столицах.

СПЕЦСНАБЖЕНИЕ И БЫТ

При постоянном дефиците потребительских товаров все заботы, связанные с «накармливанием» семей, традиционно продолжали оставаться женскими, выступая «прямой необходимостью» в череде многих других домашних дел [Пушкарева, Богдашина, 2021, с. 260–261]. М.И. Черемисина писала: «Я оставалась и женой, и матерью трех детей, и хозяйкой дома, и доцентом пединститута, и каждое из этих обстоятельств накладывало свои обязательства» [2020, с. 403]. Списки каждодневных дел повергали ее в ужас⁹. Она и Р.Л. Берг в сибирский период их жизни воспитывали детей самостоятельно, не имея рядом мужчины в качестве заботливого отца и второго кормильца, что повышало значимость организованного быта.

Базовая часть питания в Академгородке обеспечивалась приобретением продуктов в специальных «столах заказов», поскольку ННЦ централизованно обеспечивался через Главное управление рабочего снабжения могущественного Министерства среднего машиностроения СССР [Кузнецов, 2015, с. 185]. Заславские, кроме того, брали обеды в столовой Дома ученых, до которой было 5–7 минут хода¹⁰.

На изначально заложенные в структуру Академгородка элементы бытовой дифференциации относительно жилья, снабжения, медицинского обслуживания в зависимости «от чинов» ученых не раз указывалось в литературе. Лишь принципиальная Р.Л. Берг порицала подобное бытовое неравенство как «воспомоществование богатым» [Берг, 2003, с. 208]. И.С. Кузнецов писал: «Из числа самих обладателей привилегий, видимо, мало кто задумывался над их обоснованностью. Среди немногих инакомыслящих была Р.Л. Берг, которая демонстративно отказалась от пользования докторским “столом заказов”» [2019, с. 179]. В связи с иллюзорностью академгородковского эгалитаризма и демократизма Раиса Львовна упоминала в мемуарах художника М.А. Кулакова, ко-

⁵ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 08.04.1963. Л. 1.

⁶ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 10.05.1963. Л. 2.

⁷ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 22.06.1963. Л. 1–2.

⁸ Письмо М.И. Черемисиной Л.Я. Зориной 24.07.1966. Л. 4.

⁹ Письмо М.И. Черемисиной Т.И. Заславской 31.01.1963. Л. 5.

¹⁰ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 20.02.1964. Л. 4.

торый изобразил «призрачное творение Никиты» в серии картин «Город-театр» [Берг, 2003, с. 267].

В этом смысле заслуживает внимания фрагмент из переписки сестер Карповых в 1963 г. Готовясь к переезду в Новосибирск, Майя Ивановна писала, что в принципе могла бы быстро сделать докторскую диссертацию, хотя сама по себе степень ей не нужна. «И это верно, действительно, что с нее?» – соглашалась Татьяна Ивановна, но объясняла, что «докторская степень – это верный пропуск в академгородок, причем на привилегированных началах... А городок – это в каком-то смысле решение многих жизненно важных вопросов»¹¹.

Докторская степень занимала критически важное место в философии жизни интеллектуально одаренных женщин. В институтах, как отмечала Т.И. Заславская, на каждом шагу слышалось слово «докторская» – ключевое для мужчин из-за соображений престижа¹². Но какова значимость докторской степени на весах жизненной стратегии у женщин, когда время старта и подъема карьеры неумолимо совпадало с возрастом реализации репродуктивной функции? Для женщины это экзистенциальная проблема расстановки приоритетов, выбора между семьей и карьерой. Распространенные идеи о том, что «ученый пост с великой ученостью ничего общего не имеет» [Берг, 2003, с. 196], что «ученая степень и порядок их присвоения – тормоз науки» [Там же, с. 252], «рыцарские» идеи о презренном характере степеней и званий¹³ не вписывались в реальность, властно сопрягавшую достаток, удовлетворительную бытовую среду, социально-благоприятное окружение с продвижением по карьерной лестнице.

«Докторский» стол заказов, положенный Т.И. Заславской после защиты в 1965 г. докторской диссертации, она восторженно именовала «генеральским» – настолько он изменил жизнь: «почти отпала необходимость ходить за чем-либо в магазины». Все, что нужно, приносили прямо на четвертый этаж: свежую рыбу, мясо разных сортов, печень, язык, сосиски, куры, фрукты¹⁴. Можно было заказывать и на сестру, в том числе папиросы, которых, как сетовала М.И. Черемисина, «в городке не было в природе»¹⁵.

Среди удобств Академгородка следует отметить его планировку, шаговую доступность ежедневных целей – институтов, магазинов, обилие деревьев¹⁶,

широкую магистраль, не заполненную транспортом. Все это, по мнению Т.И. Заславской, «создавало комплекс жизненных условий, вряд ли повторимых где-то в другом месте». Она уверяла, что «все-все с точки зрения организации быта в Академгородке ее устраивает»¹⁷.

Но и в научном городке ощущался невысокий уровень жизни, в целом характерный для советского общества, и самыми обычными здесь были разговоры об отсутствии денег. Т.И. Заславская-экономист подсчитала, что при среднедушевом доходе в стране 60 руб. на человека в месяц¹⁸ они на семью из четверых имели 500 руб. (она получала 300 и муж – 200), которых хватало «едва-едва, только от полочки до полочки»¹⁹. После отпуска Заславские, как и все советские семьи, «сидели без денег»²⁰. На фоне обострения в стране продовольственного положения, отсутствия белого хлеба и круп активно обсуждалось, чем же будет торговать строившийся «фантастически красивый и огромный торговый центр с рестораном»²¹.

Однако известен парадокс: в праздники на столе советских людей откуда-то появлялись дефицитные закуски, особенно это подтверждалось жизнью элиты. На новоселье у М.И. Черемисиной для 16 гостей наготовлено «было много всего, и все говорили, что вкусно»: яйца с гусиной печенкой под майонезом, форшмак с мускатным орехом, два салата оливье – мясной и рыбный, 10 тарелок «казенных» закусок – колбаса, сыр, крабы и лососина консервированные, запеченные свинина и гусь, компот, чай, пирожные, печенье, грецкие орехи, конфеты «мишки» и трюфели, вино «Улыбка», коньяк «отборный»²².

ОБЩЕНИЕ, ДОСУГ И ОТДЫХ

Т.И. Заславская писала об Академгородке: «Быт здесь строится по последнему слову науки и техники, но дело даже не в этом, а в людях»²³. В письме «День безграничного счастья» о путешествии по р. Бердь она выделяла два элемента счастья: первый – это люди, «от соприкосновения с которыми душа расцветает».

¹¹ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 30.01.1963. Л. 3.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 08.28.1965. Л. 5.

¹⁴ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 28.08.1965. Л. 7.

¹⁵ Письмо М.И. Черемисиной Л.Я. Зориной 27.09.1969. Л. 5.

¹⁶ Письмо М.И. Черемисиной Л.Я. Зориной 02.09.1963. Л. 1.

¹⁷ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 28.08.1965. Л. 7.

¹⁸ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 03.12.1964. Л. 6.

¹⁹ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 10.01.1965. Л. 3.

²⁰ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 28.08.1965. Л. 8.

²¹ Дмитриева Н. Роман с Академгородком // Ведомости Законодательного собрания Новосибирской области. 21.10.2019. № 43(1716).

²² Письмо М.И. Черемисиной Л.Я. Зориной 09.04.1966. Л. 1–2.

²³ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 30.01.1963. Л. 3.

тает», второй – «поразительной красоты сибирская природа»²⁴. Именно люди заставляли ее душу «петь, наполняясь счастьем, как парус ветром от того, что она, наконец-то, приобрела опору не только в муже, но и в друзьях»²⁵.

Приехавшая сюда М.И. Черемисина также «впервые в жизни попала в такой мир», где общение с людьми очаровывало: «Все по-домашнему. Все знают друг друга. Профессор Румер рассказывает о том, как он учился в Германии, как общался с Бором, Эйнштейном... Городок был очень молодой. Людей старше 50 нигде не было видно. К.А. Тимофееву 49, Аганбегяну 34 или 35. Академик Александров после вечернего заседания с 3-го этажа съезжал по перилам университетской лестницы... И все были внутренне свободны... Я была влюблена в Городок» [Черемисина, 2020, с. 414].

Компании интеллектуалов «собирались часто, горячо обсуждали живые проблемы сегодняшнего дня», свободно говорили и о темах запретных, играли в модные тогда экономические игры, слушали музыку, особенно Окуджаву, который «был в те годы так популярен, что летом редко из какого только окна эта музыка не доносилась» [Черемисина, 2020, с. 405]. Накануне больших праздников, как правило, устраивали вечера по институтам, где много пили, на следующий день собирались компанией, как, например, накануне Первомая у Заславских, когда «веселье было великое, и вообще было хорошо – душевно как-то, тепло», а потом «всем шалманом (с детьми 20 человек)» при чудесной погоде ходили на море²⁶.

По примеру М.М. Громько в быт многих ученых-гуманитариев Академгородка вошли «домашние» встречи с научной молодежью [Логос, 1997, с. 25]. Так, в доме М.И. Черемисиной собирались аспиранты и сотрудники, задействованные в теме: «Посылали кого-то в магазин, делали салат из морковки, Майя Ивановна пекла вкуснейшие лепешки, заваривался чай, и все научное собрание получало дополнительный импульс – возникало чувство команды и коллектива», – вспоминала Л.М. Горелова [2019, с. 16].

Тон культурной жизни в Академгородке с первых лет задали ученые старшего поколения, которые благодаря личным связям приглашали сюда виднейших мастеров искусств. В доме культуры «Москва» каждые два дня показывали новый фильм, давали абонементные симфонические и камерные концерты, изредка бывали вечера поэзии, читались интересные

лекции в университете и т.п.», но первое время ощущалась оторванность от цивилизации²⁷. С открытием весной 1966 г. Дома ученых культурная жизнь стала более насыщенной и разнообразной, что явствует из коллекции билетов, программ, афиш, самодельных юмористических объявлений о культурно-праздничных мероприятиях Дома ученых и институтских коллективов в 1960–1970-е гг., собранной Н.А. Притвиц²⁸.

Близость леса и моря (Обского водохранилища с живописными островами) превращала Академгородок в своеобразный дачный пригород Новосибирска, где «хорошо зимою, но летом просто земной рай». Воспоминания рисуют лыжные, пешие, лодочные походы и пикники: «Тепло. Море. Песок. Дети загорелые, веселые. На пляже – волейбол, бадминтон. Моторка “Дуняша” уносит в недалекое путешествие. Можно ловить рыбу. Учимся кататься на велосипедах»²⁹. География путешествий семей ученых, приехавших из европейской части страны, в период отпусков охватывала обширную зауральскую часть – Алтай, Байкал, Иссык-куль, Енисей до о. Диксон, города Томск, Красноярск, Алма-Ата и другие города Средней Азии.

Уникальная по советским меркам открытость Академгородка для мира, начало которой положил российско-американский симпозиум 1963 г. [Tatarchenko, 2016], породила волну повсеместного изучения иностранных языков, интереса к западной научной литературе. Многие ученые дружили семьями с коллегами из Европы и США и во время симпозиумов «наперебой приглашали к себе в гости то одного ученого, то другого, а то сразу большую кампанию» [Марчук, 1997, с. 43–44]. Гостей ННЦ, в том числе иностранных, часто принимали с рыбалкой и ухой. Роли распределялись традиционным образом: мужчины отвечали за транспорт и техническую сторону дела, женщины – за обед. Сама В.Е. Лаврентьева, как известно, в первую золотодолинскую зиму организовала столовую, всегда стряпала пироги для бесконечных гостей лаврентьевского дома. Но привычное понимание обслуживающей роли женщин уже «оспаривалось» представлением о равноправном с мужчинами статусе. «Когда зав. отделом снабжения попыталась заставить дочь Лаврентьева Веру и жену сына Инну выйти навстречу Хрущеву с хлебом-солью на махровом китайском полотенце, они сказали: “Пусть нас режут на куски, не пойдём”. И не пошли», – вспоминала Н. Притвиц [2007, с. 27].

²⁴ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 21.07.1963. Л. 6.

²⁵ Там же. Л. 3–4.

²⁶ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 10.05.1963. Л. 2.

²⁷ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 20.02.1964. Л. 4.

²⁸ Хранится в Центре хранения материалов по истории СО РАН в Институте истории СО РАН.

²⁹ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 22.06.1963. Л. 3.

Первые «академины» перенесли в Академгородок высокие стандарты культуры и быта: в отношении к досугу (П.Я. Кочина за неделю до спектаклей начинала изучать либретто), природе (Н.А. Притвиц боролась с развешиванием на деревьях бельевых веревок), животным (давали приют бездомным собакам и кошкам), вещам (П.Я. Кочина привезла из Москвы чешский гарнитур «Аллон» [Притвиц, 2007, С. 25], Т.И. Заславская – обои латвийского производства³⁰). Но даже статусные женщины мобилизационного поколения не были избалованы красивым имуществом. М.И. Черемисина писала, что по жизни «была бедна как церковная мышь», равнодушна к вещам и любила лишь бабушкины вещи, «проникнутые чем-то духовным» [2020, с. 476, 478]. Бабушкины вещи, связанные с личностями любимых предков, обожаемым детством, дальними странами, семейными или историческими событиями, ценились М.И. Черемисиной как культурные артефакты, наполняя ее «культурный космос».

Такое искреннее отречение от вещизма выявляло в мемуаристке истинный аристократизм духа. В 2019 г. на выставке «Сестры Карповы: Майя Черемисина и Татьяна Заславская»³¹ впервые экспонировались дорогие им предметы: шелковые платья и туфельки, в которых сестры гуляли по Академгородку, швейная машинка, семейные фотокарточки с дореволюционных времен, переводные картинки, дневники, самый старый из которых – восемнадцатилетнего Георгия Де-Метца – датировался 1879 г.

Оборотной стороной концентрации в Академгородке «большого количества деятельных, умных, культурных людей» [Марчук, 1997, с. 147] и их ежедневного близкого, интенсивного, яркого, демократичного общения в процессе работы и отдыха являлась «повышенная нагрузка» на брачные связи, провоцирующая их распад, возникновение «служебных романов» и т.п. В довольно узком и изолированном пространстве человеческих контактов городка это оборачивалось личными трагедиями – болезненно переживалось женщинами, мужчин обрекало на официальные взыскания, грозило распадом дружеских компаний, расстройством работы научных коллективов³².

В целом в раннем Академгородке жилось «хорошо и вольно, во всех отношениях»³³. Никто из мемуаристок не вспоминал оставленные Москву и

Ленинград, Т.И. Заславская прямо говорила, что ее место – здесь: «Я влюблена в Городок и в его образ жизни. Я глубоко убеждена, что современный разносторонне развитый человек должен жить только так!»³⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эго-документы сибирских «академин» позволяют рассмотреть историю первого десятилетия Академгородка в микромасштабе повседневной жизни женщин – работающих матерей и хозяек. Как продукт современного проекта «советской цивилизации» и яркие личности женщины-ученые были одержимы наукой, ценили культуру, жаждали комфортной, цивилизованной, активной, нескудной жизни. Мотивами переезда в Академгородок являлись перспективы научно-исследовательской карьеры в совокупности с благоприятными бытовыми условиями, что было важно с учетом остро стоявших в стране в начале 1960-х гг. как продовольственного вопроса, так и жилищного, поскольку спрос на отдельные квартиры превышал предложение. Государство считало ученых стратегически важным ресурсом, особенно в областях, связанных с оборонным и энергетическим секторами экономики, и патронировало в соответствии с принципами менталитета партийных функционеров – в зависимости от места в иерархии государственного социализма. Конвертацией карьерного роста являлось не только повышение зарплаты, но и переселение в более «статусное» жилье, прикрепление к «докторскому» или «академическому» столу заказов и медицинскому обслуживанию. Благоустроенные квартиры с сохранением столичной прописки и жилья, спецснабжение продуктами, возможности современного образования для детей, удачные природно-экологические условия для полноценной рекреации, отдыха и спорта, наличие тесного сообщества интеллектуалов, свобода и демократизм в общении и культурной жизни являлись важными факторами укоренения в ННЦ. Условия жизни в Академгородке в целом были оценены женщинами-учеными в высшей степени позитивно, в том числе по сравнению со столичными, вплоть до утверждений о том, что это лучшее место для жизни. Замысел создания конкурентных преимуществ нового города науки по рецепту использования «матричных» рычагов советской командно-распределительной системы для первого десятилетия оказался успешным. Перспектива дальнейших эго-документальных исследований жизнедеятельности сибирских «академин» связана с определением влияния

³⁰ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 08.04.1963. Л. 2.

³¹ Организаторы: Выставочный Центр СО РАН, Интегральный музей повседневности Академгородка (руководитель А. Безносова-Близнюк), Е. Шиплюк, Т. Черкашина.

³² Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 21.07.1963. Л. 3–4.

³³ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 29.12.1963. Л. 1.

³⁴ Письмо Т.И. Заславской М.И. Черемисиной 22.06.1963. Л. 3.

академгородковского модуса повседневной жизни на их научную карьеру, динамику и креативность научной работы.

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарю Н.П. Матханову и А.А. Озонову за помощь в подготовке настоящего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берг Р.Л.* Суховой. Воспоминания генетика. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 527 с.
- Бобровская Е.В.* «Государственный феминизм» в СССР: особенности гендерного (не)равенства в советской России // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: История и политические науки. 2020. № 4. С. 133–140.
- Варга-Харрис К.* Между национальной традицией и западной модернизацией: Советская женщина и представления о социалистическом гендерном равенстве как «третьем пути» развития страны, 1956–1964 годы // Slavic review. 2019. Vol. 78, N 1, pp. 578–782.
- Варга-Харрис К.* Хрущевка, коммуналка: социализм и повседневность во время «оттепели» // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2011. № 1. С. 160–166.
- Водичев Е.Г.* Траектории экономических реформ: наука и научная политика в годы «хрущевского десятилетия» // Урал. ист. вестн. 2021. № 4(73). С. 135–144.
- Горелова Л.М.* Майя Ивановна Черемисина // Предложение как единица языка и речи. Новосибирск: Академиздат, 2019. 208 с.
- Гудков Л.* Иллюзии выбора: 30 лет постсоветской России. Рига, 2021. 228 с.
- Ерохина Е.А.* Дневник женщины-ученой как летопись новосибирского Академгородка: наследие Н.А. Притвиц // Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы: материалы XIV Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. М.: ИЭА РАН, 2021. Ч. 1. 318. С. 56–60.
- Запорожченко Г.М., Шелегина О.Н.* «Сибирские Академины»: женщины-ученые, вошедшие в историю Сибирского отделения Российской Академии наук // Исторический курьер. 2019. № 3(5). Статья 19. URL: <http://istkurier.ru/data2019/ISTKURIER-2019-3-19.pdf>; DOI: 10.31518/2618-9100-2019-3-19.
- Заславская Т.И.* Избранное. М.: Экономика, 2007. Т. 3: Моя жизнь: воспоминания и размышления. 764 с.
- История в эго-документах: Исследования и источники / гл. ред. Н.В. Суржикова. Екатеринбург: Изд-во АсПУр, 2014. 368 с.
- Кочина П.Я.* Воспоминания. М.: Наука, 1974. 299 с.
- Кром М.М.* Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности: сб. науч. работ / отв. ред. М.М. Кром. СПб., 2003. С. 7–14.
- Кузнецов И.С.* Социальные проблемы новосибирского Академгородка в официальных документах рубежа 1960–1970-х годов // Вестн. НГУ. 2015. Т. 14. Вып. 1: История. С. 181–188.
- Кузнецов И.С.* Новосибирский Академгородок: «оазис свободы» или «реликт сталинизма»? // ЭКО. 2019. № 11. С. 172–192.
- Куперитох Н.А.* Демографическая структура научных кадров Сибирского отделения РАН (конец 80-х–начало 90-х годов) // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. № 1. С. 97–101.
- Лаврентьев М.А.* ...Прирастать будет Сибирью. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1982. 175 с.
- Логос: историко-литературный альманах. Новосибирск, 1997. Вып. 1: Хроника гуманитарного факультете Новосибирского государственного университета. 79 с.
- Марчук О.Н.* Сибирский феномен: Академгородок в первые 20 лет. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 236 с.
- Нуркова В.В.* Социальное прошлое в индивидуальной памяти: история как личный опыт // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 5–27.
- Орлов И.Б.* Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. 317 с.
- Притвиц Н.А.* Как молоды мы были // И забыть по-прежнему нельзя... Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2007. 336 с.
- Пушкарева Н.Л.* Женщины в российской науке конца XX – начала XXI века: обобщение количественных характеристик // Женщина в российском обществе. 2010. № 3(56). С. 24–35.
- Пушкарева Н.Л.* Женщины в советской науке. 1917–1980-е гг. // Вопр. истории. 2011. № 11. С. 92–102.
- Пушкарева Н.Л.* Повседневный быт конца 1950–1960 гг. в социальной памяти женщин-ученых новосибирского Академгородка // Женское и мужское в традиционной и современной культуре: сохранение, фиксация, понимание: материалы XIII Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. М.: ИЭА РАН, 2020. С. 118–121.
- Пушкарева Л.Н., Богданина И.В.* «Вкусная и здоровая пища» в повседневных женских практиках нестоличного советского города 1950–1960-х гг. // Вестн. антропологии, 2021. № 1(53). С. 260–274.
- Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В.* Женская городская повседневность периода «оттепели» в англо-американской историографии // Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы: материалы XIV Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. М.: ИЭА РАН, 2021. Ч. 2. С. 127–130.
- Ренина Л.П.* Память и наследие в «крестовом походе» против истории, или Рождение «мемориальной парадигмы» // Урал. ист. вестн. 2021. № 2(71). С. 6–16.
- Савелова О.А., Крайнева И.А.* Электронный архив сестер Карповых: история научной династии // Исторический курьер. 2021. № 2 (16). С. 25–35. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER2021-2-02.pdf>; DOI: 10.31518/2618-9100-2021-2-2
- Секенова О.И.* Женская академическая повседневность XIX – первой половины XX в. в современной зарубежной историографии // Женская история сегодня: источниковедение, историография, новые методологические подходы: материалы XIV Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН. М.: ИЭА РАН, 2021. Ч. 2. С. 110–112.
- Степанов А.О.* Первые ученые-женщины в советской физике – профессора Томского университета В.М. Кудрявцева, Н.А. Прилежаева, М.А. Большанина: гендерные аспекты профессионально-адаптационных практик // Вестн. ТГУ. История. 2019. № 57. С. 183–192.
- Туркина В.Г.* Некоторые аспекты исследования советской повседневной истории // Наука. Искусство. Культура. 2020. Вып. 2(22). С. 107–112.
- Ханин Г.И.* Честный и талантливый рассказ о новосибирском Академгородке, советском народе и советском обществе (воспоминания Михаила Качана) // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 4, Ч. 1. С. 217–239.
- Человек советский: за и против = Homo soveticus: pro et contra / под ред. Ю.В. Матвеевой, Ю.А. Русинной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 412 с.
- Черемисина М.И.* Мои воспоминания / ред.-сост. А.А. Озорова, Е.В. Шиплюк. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2020. 439 с.
- Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах / под науч. ред. М.А. Литовской, Н.В. Суржиковой. М.: Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021. 408 с.
- Tatarchenko K.A.* Calculating a Showcase: Mikhail Lavrentiev, the Politics of Expertise, and the International Life of the Siberian Science-City // Historical Studies in the Natural Sciences. 2016. Vol. 46, N 5. P. 592–632.

REFERENCES

- Berg R.L. (2003). Sukhovey. Memoirs of a geneticist. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysl'i, 527 p. (In Russ.)
- Bobrovskaya E.V. (2020). "State feminism" in the USSR: features of gender (non-)equality in Soviet Russia. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*. No. 4, pp. 133–140. (In Russ.)
- Varga-Harris K. (2019). Between the national tradition and Western modernization: the Soviet woman and ideas about socialist gender equality as the "third way" of the country's development, 1956–1964. *Slavic review*. Vol. 78, no. 1, pp. 578–782. (In Russ.)
- Varga-Harris K. (2011). Khrushchev-era house, communal apartment: socialism and everyday life during the «thaw». *Noveyshaya istoriya Rossii / Modern history of Russia*. No 1, pp. 160–166. (In Russ.)
- Yodichev E.G. (2021). Trajectories of economic reforms: science and scientific policy in «Khrushchev Decade» years. *Ural'skiy istoricheskii vestnik*. No. 4, pp. 135–144. (In Russ.)
- Gorelova L.M. (2019). Maya Ivanovna Cheremisina. In: *Predlozhenie kak edinita yazyka i rechi*. Novosibirsk, Akademizdat, pp. 12–20. (In Russ.)
- Gudkov L. (2021). Illusions of choice: 30 years of post-Soviet Russia. Riga, 228 p. (In Russ.)
- Erokhina E.A. (2021). Diary of a woman scientist as a chronicle of Novosibirsk Akademgorodok: N.A. Prityvits' heritage. *Zhenskaya istoriya segodnya: istochnikovedenie, istoriografiya, novye metodologicheskie podkhody*. Moscow, IEHA RAN. Pt. 1, pp. 56–60. (In Russ.)
- Zaporozhchenko G.M., Shelegina O.N. (2019). «Siberian Academines»: women scientists who entered the history of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. *Istoricheskii kur'er*. No. 3, art. 19. URL: <http://istkurier.ru/data2019/ISTKURIER-2019-3-19.pdf>. DOI: 10.31518/2618-9100-2019-3-19.
- Zaslavskaya T.I. (2007). Favorites. Vol. 3: My life: memories and reflections. Moscow, Ekonomika, 764 p. (In Russ.)
- Surzhikova N.V. (Ed.) (2014). History in ego documents: research and sources. Yekaterinburg, ASPUr Publ, 368 p. (In Russ.)
- Kochina P.Y. (1974). Memoirs. Moscow, Nauka, 299 p. (In Russ.)
- Krom M.M. (2003). Everyday life as a subject of historical research (instead of a preface). *Istoriya povsednevnosti*. Saint Petersburg, pp. 7–14. (In Russ.)
- Kuznetsov I.S. (2015). Social problems of Novosibirsk Akademgorodok in official documents at the turn of the 1960s–70s. *Vestnik NGU*. Vol. 14, iss. 1, pp. 181–188. (In Russ.)
- Kuznetsov I.S. (2019). Novosibirsk Akademgorodok: «oasis of freedom» or «relic of Stalinism»? *EKO*. No. 11, pp. 172–192. (In Russ.)
- Kuperstokh N.A. (1995). Demographic structure of scientific personnel of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (the late 1980s – early 90s). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 1, pp. 97–101. (In Russ.)
- Lavrentiev M.A. (1982). ... Siberia will grow. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo, 175 p. (In Russ.)
- Zuev A.S. (Ed.) (1997). Logos. Historical and literary almanac. Novosibirsk, iss. 1. Chronicle of the Humanities Faculty of Novosibirsk State University, 79 p. (In Russ.)
- Marchuk O.N. (1997). Siberian phenomenon: Akademgorodok over the first 20 years. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 236 p. (In Russ.)
- Nurkova V.V. (2009). Social past in individual memory: history as personal experience. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. No. 1, pp. 5–27. (In Russ.)
- Orlov I.B. (2010). Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation. Moscow, Izd. dom Gosudarstvennogo Universiteta Vysshey shkoly ekonomiki, 317 p. (In Russ.)
- Prytvits N.A. (2007). How young we were. *Izabyt' po-prezhnemu nel'zya*. Novosibirsk, IEHOPP SO RAN, 336 p. (In Russ.)
- Pushkareva L.N., Bogdashina I.V. (2021). «Delicious and healthy food» in everyday women's practices of a non-metropolitan Soviet city of the 1950s and 1960s. *Vestnik antropologii*. No. 1, pp. 260–274. (In Russ.)
- Pushkareva N.L. (2010). Women in Russian science of the late XX – early XXI century: generalization of quantitative characteristics. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 3, pp. 24–35. (In Russ.)
- Pushkareva N.L. (2011). Women in Soviet science. 1917–1980s. *Voprosy istorii*. No. 11, pp. 92–102. (In Russ.)
- Pushkareva N.L. (2020). Everyday life of the late 1950–60s in the social memory of women scientists of Novosibirsk Akademgorodok. In: *Zhenskoe i muzhskoe v traditsionnoy i sovremennoy kul'ture: sokhraneniye, fiksatsiya, ponimaniye*. Moscow, IEHA RAN, pp. 118–121. (In Russ.)
- Pushkareva N.L., Zhidchenko A.V. (2021). Women's urban everyday life of the "thaw" period in Anglo-American historiography. *Zhenskaya istoriya segodnya: istochnikovedenie, istoriografiya, novye metodologicheskie podkhody*. Moscow, IEHA RAN, pt. 2, pp. 127–130. (In Russ.)
- Repina L.P. (2021). Memory and heritage in the «crusade» against history or the birth of the «memorial paradigm». *Ural'skiy istoricheskii vestnik*. No. 2, pp. 6–16. (In Russ.)
- Savelova O.A., Kraineva I.A. (2021). Electronic archive of the Karpov sisters: the scientific dynasty history. *Istoricheskii kur'er*. No. 2, pp. 25–35. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER2021-2-02.pdf>. DOI:10.31518/2618-9100-2021-2-2. (In Russ.)
- Sekenova O.I. (2021). Women's academic everyday life of the XIX – first half of the XX century in modern foreign historiography. *Zhenskaya istoriya segodnya: istochnikovedenie, istoriografiya, novye metodologicheskie podkhody*. Moscow, IEHA RAN. pt. 2, pp. 110–112. (In Russ.)
- Stepanov A.O. (2019). The first female scientists in Soviet physics – Tomsk University Professors V.M. Kudryavtseva, N.A. Prilezhaeva, M.A. Bolshanina: gender aspects of professional adaptation practices. *Vestnik TGU. Istoriya*. No. 57, pp. 183–192. (In Russ.)
- Turkina V.G. (2020). Some aspects of the study of Soviet everyday history. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. Iss. 2, pp. 107–112. (In Russ.)
- Khanin G.I. (2019). An honest and talented story about Novosibirsk Akademgorodok, the Soviet people and Soviet society (memoirs of Mikhail Kachan). *Idei i idealy*. Vol. 11, no. 4, pt. 1, pp. 217–239. (In Russ.)
- Matveeva Yu.V., Rusina Yu.A. (Eds.) (2021). Soviet man: pros and cons = Homo soveticus: pro et contra. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. unta, 412 p. (In Russ.)
- Cheremisina M.I. (2020). My memoirs. Novosibirsk, SS RAS, 439 p. (In Russ.)
- Litovskaya M.A., Surzhikova N.V. (Eds.) (2021). Ego-documents: Russia of the first half of the XX century in inter-source dialogues. Moscow, Yekaterinburg, 408 p. (In Russ.)
- Tatarchenko K.A. (2016). Calculating a showcase: Mikhail Lavrentiev, the politics of expertise, and the international life of the Siberian science-city. *Historical Studies in the Natural Sciences*. Vol. 46, no. 5, pp. 592–632.

Статья поступила в редакцию 04.05.2022

Дата рецензирования 12.06.2022

Статья принята к публикации 30.06.2022